

Матьяна Веденская

История
ОДНОГО
РАЗВОДА
♡

Татьяна Веденская

История одного развода

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169457

Татьяна Веденская. История одного развода: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-37368-0

Аннотация

Единственный мужчина, умный, талантливый, красивый, энергичный, в общем, самый-самый... вдруг стал ненавистен. Раздражает страшно! Глаза бы на него не смотрели. Как это могло произойти? Почему? И куда теперь деть мужа, которого столько лет любила и вдруг разлюбила? Вот такие непростые вопросы мучают героиню нового романа Татьяны Веденской Елену Демидову. Пытаясь найти на них ответы, она пересматривает свою жизнь и с удивлением обнаруживает, что сама, собственной персоной, своими руками приготовила себе разочарование...

Книга также издавалась под названием «Игра на раздевание».

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Татьяна Веденская

История одного развода

По статистике, в России девять браков из десяти со временем распадаются.

Нет такого закона, который бы удовлетворял всех.

Ливий Тит

Часть первая

Диверсант

Глава 1

Вечерний спектакль в одном акте

Кто-то из великих сказал: от любви до ненависти один шаг. Так вот, я никак не могу вспомнить, когда именно я его сделала. Коротенький шажок, простая смена знака «плюс» на «минус». Я просто жила-жила, занималась привычными делами и не заметила, как однажды около рутинного «люблю» сама собой образовалась маленькая приставка «не». Впрочем, это очень на меня похоже — жить, не замечая ни

собственных чувств, ни собственной усталости. Усталость – роскошь, непозволительная для работающей женщины, поэтому я держалась изо всех сил, пытаюсь охватить необъятное. Работа, магазины, дом, уборка, стирка, звонки, звонки, бесконечные звонки. По работе, от клиентов, от подруги (последняя зовет в фитнес-клуб – ей за привод кого-нибудь из знакомых дадут скидку). А куда мне фитнес: я по утрам с трудом разлепляю веки – сказывается хроническая бессонница. Иногда мне кажется, что у меня все – хроническое. Вся моя жизнь.

Наверное, это могло бы длиться бесконечно. Бег на месте, ей-богу. Но почему-то сегодня я пришла домой, разделась, скинула с усталых ног туфли на высоком каблуке, налила себе чай и вдруг подумала:

«Ба, а я ведь ненавижу Андрея!»

Эта мысль так потрясла меня, что я забыла вовремя остановиться и перелила чай на стол. Воровато огляделась по сторонам, как будто меня могли застать на месте преступления. Рядом не было никого, но мысль моя была настолько громкой, что мне стало страшно – вдруг услышат соседи. Или почувствует Андрей – мой муж, с которым я вполне сносно прожила больше пятнадцати лет. Господи, неужели уже пятнадцать?! Нет, я не в том смысле, что я все забыла. У меня не амнезия и не склероз. Несколько месяцев назад я целый день готовила салаты, а потом слушала поздравления с юбилеем свадьбы и рассеянно улыбалась. Просто цифра –

пятнадцать лет – это ужасно много! Разве можно прожить с кем-то рядом целых пятнадцать лет? И сколько из них в таком случае я ненавижу его? Не могу сказать. Однако точно, что это жгучее чувство ненависти появилось не сегодня, не сейчас. Раньше, гораздо раньше.

Я вытерла стол, отжала тряпку и отчетливо вспомнила, что, по крайней мере, вчера я его уже ненавидела. Да, точно. Вчера, когда приехала с работы измотанная многочасовым производственным совещанием на заводе клиентов нашей фирмы. Едва я зашла в дом, как поняла, что Андрей снова сидит пьяный и курит на кухне. В такие моменты я ненавидела его всей душой!

– Я ведь просила не курить на кухне! – вспыхнула я, как сено от спички. Этот разговор мы вели с ним едва ли не в тысячный раз.

– Да брось ты, – лениво отмахнулся от меня Андрей. – Подумаешь. – Он опять пил в одиночестве, уставившись в маленький кухонный телевизор.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – процедила я сквозь зубы, наскоро пытаясь сварганить себе бутерброд, прежде чем разгорится очередная ссора.

Табачный дым уже пропитал всю кухню, занавески снова надо будет стирать.

На нашей кухне все до последней мелочи было продумано, куплено и воплощено мной. Это было мое любимое детище, а телевизор – самая моя большая радость. Готовить

и смотреть маленький телевизор на стене – что может быть лучше? Но только не тогда, когда на кухне торчит муж. Да еще пьяный, с бутылкой дорогого коньяка, который мне вчера подарили клиенты.

– Ты зачем взял коньяк? Я его собиралась передарить директору. И что мне теперь, новый покупать? Может, ты мне его купишь? – не сдержалась я.

– Перебьется твой директор, – усмехнулся Андрей и снова уставился в телик, словно меня и в помине не было на кухне. Он смачно затянулся и выпустил очередную порцию дыма.

Кровь прилила к моему лицу. Я многое могла бы ему сказать в тот момент. Я могла бы намекнуть, что перебраться надо было бы ему, потому что он на такой коньяк не заработает и за месяц. Могла бы напомнить, что, пока он бессмысленно торчит дома и пьет, его сын завалил контрольную по русскому языку и рискует остаться на второй год. Но я ненавижу безобразные сцены. Так что я просто подошла к Андрею, вытащила из его руки сигарету и бросила в раковину, наполненную посудой. Пререкаться с мужем – занятие бессмысленное и бесперспективное. Тем более с пьяным. Я посмотрела Андрею прямо в глаза и твердо сказала:

– Не кури на моей кухне. Понял?

Он нахмурился, сжал губы, потом буркнул под нос что-то вроде «достали вы меня все» и поплелся в коридор, к лифтам. Судя по его походке, коньяк не был первенцем. Не могло Андрея так развезти с пары рюмок – коньяк, судя по все-

му, он открыл только что. Я заглянула в мусорку и обнаружила там батарею пустых бутылок из-под пива. Ну да, как я и ожидала!

Так прошел вчерашний вечер. В целом, как обычно. Без эксцессов. Ведь пьянство мужа давно стало нормой.

Я спокойно допила чай и посмаковала на языке слово «ненавижу». Оно вкусно перекатывалось с кончика языка на его серединку и обрывалось вытянутыми в бантик губами, когда я тянула звук «жу». Потом я попробовала сказать просто «не люблю». И тут же поняла, что я уже сто лет никого не люблю, даже саму себя. О чем тут говорить, это никакая не новость. Нет, Андрея я именно ненавижу. Нелюбовь – это всего лишь вежливая отстраненность, тогда как ненависть – чувство активное, провоцирующее на действие. На какое действие? Этого я пока не знала.

– Есть кто дома? – раздался в коридоре Мишкин голос.

Сын вернулся с вечерней прогулки. Конечно, по-хорошему ему надо было бы запретить выходить из дома. Пусть бы сидел весь день за столом, исправлял все те нереальные толпы двоек-троек, которые он нахватал в четверти. В этот раз улов был отменным. Но что-то мешало мне поступать с сыном жестко. В конце концов, переходный возраст – штука огнеопасная. Не время закручивать гайки. Иногда мне казалось, что Мишка как хрупкая хрустальная ваза – чуть толкни, разлетится вдребезги.

– Я, Миш.

– Мам, а есть чего пожрать? – смешно щурясь на свет люстры, спросил он.

– Слепота ты моя, опять у Витьки от компьютера не отходил? – усмехнулась я. – Так недолго и вообще без глаз остаться.

– У него последний «пень», мощности больше в двадцать раз. И память. А у нас даже жалкий «дум» виснет, – пожаловался Мишка.

Я знала, что он бредит новым компьютером. Но покупать его не собиралась. Это уж точно будет непедагогично.

– Сначала исправь двойку по русскому. И нормально закончи четверть, а там поговорим.

– Ты же знаешь, что я не успею, – возмутился Мишка.

У нас с сыном были разные позиции по поводу учебы. Я считала ее самым главным для него, он же считал ее бесполезной тратой времени и проводил все свободное (я подозреваю, что и несвободное время тоже) за компьютером.

– Если бы ты захотел, то все бы смог. Ты умный мальчик.

– Да, я умный мальчик и поэтому должен учиться. Учиться и учиться, чтобы потом со мной случилось то же, что и с папой. – Сын стал в позу.

– У тебя своя жизнь, и ты сам решишь, чем тебе заниматься. Но если ты не окончишь нормально школу, у тебя не будет никакого выбора, – пыталась удержаться я в рамках беседы.

Обычно я срываюсь на крик и превращаю все в ругань.

Особенно если в беседах такого рода участвует Андрей. Он молча слушает наши с Мишкой препирательства, а потом вставляет:

– Ни черта нет пользы от этой учебы. Вырастешь, мама приткнет тебя к себе, и все будет тип-топ. – После чего спокойно ретируется. А я остаюсь с сыном и пытаюсь продолжить «беседу», сохраняя хотя бы видимость спокойствия. Впрочем, оставаться спокойной мне удастся редко. Теперь я начинаю взвизгивать и кричать по любому поводу, особенно если перед этим меня вызывали на промыв мозгов в школу. А что я могу сделать, если даже отец внушает сыну, что учеба – бесполезная трата времени?!

– Ма-ам, не начинай, – скривился сын и моментально испарился из кухни, на ходу дожевывая бутерброд.

Это я от него слышу постоянно: мам, не начинай; мам, не заводишь; мам, это все-таки моя жизнь; я не буду медалистом, я буду программистом.

Если бы так, если бы так...

Я посмотрела на часы и торопливо принялась совать посуду в посудомойку. Не ровен час, вернется муж, а я еще не поняла, как мне себя вести.

Я его ненавижу. Прекрасно. Что дальше? Как это должно изменить мою повседневную жизнь? И должно ли или, наоборот, все останется по-прежнему?

«Милый, ты представляешь, я тут поняла, что просто не выношу тебя. Вау! Видеть не могу! Правда, круто?»

Нет, в самом деле, как мне себя вести? А может, когда он снова раскидает свои грязные ботинки по коридору, заляпав пол, мне подойти и разбить о его голову супницу? Ту уродливую дешевую супницу, которую подарила на юбилей свадьбы его мать, обронив в качестве тоста свою очередную гениальную сентенцию:

– Может быть, отсутствие супницы мешало тебе, дорогуша, все эти годы держать в доме нормальный обед? В таком случае я это исправила!

Я стояла тогда с распахнутым ртом и пыталась состроить подобающую шутке улыбку. Вокруг краснели и отводили взгляд мои друзья и, что гораздо хуже, коллеги по работе. Что-что, а способность вывести меня из себя Андрей точно унаследовал у своей матушки. Зато теперь у меня есть супница и я могу разбить ее о голову мужа. Хотя нет, ничего этого я, конечно же, не сделаю. Ни за что. Потому что я трусиха. Да-да, самая настоящая трусиха, которая ненавидит мужа, причем давно, и ничего не делает с этим. Ровным счетом ничего.

В конце концов, разве мало семей живут без любви? Но как-то же перебиваются. При желании мы с Андреем могли бы видеться раз в год по обещанию. Я рано ухожу и поздно возвращаюсь. Слава богу, квартира у нас трехкомнатная, поэтому мы могли бы разбрестись по комнатам, как тараканы, и не видеться неделями. Если бы еще Андрей перестал зависать на кухне с бутылкой и сигаретами.

«Ты когда последний раз видела папу?»

«На прошлую Пасху. А что, он все еще здесь живет?»

Вот было бы здорово, если бы в один прекрасный день я вернулась домой с работы и узнала, что Андрея тут никогда и не было. Что все эти изматывающие годы были обычным сном, стряхнув который я снова окажусь свободной семнадцатилетней абитуриенткой МГТУ им. Баумана, волнующейся из-за экзамена по физике. Лучше бы я его провалила! Многое бы пошло иначе в этом случае.

Андрей вернулся лишь к полуночи. В тот момент я уже сладко спала и видела десятый сон. Как ни странно, я всегда прекрасно засыпала, если Андрей где-то задерживался. То есть когда-то я ждала его, волновалась и даже подогревала остывавший ужин по десять раз за вечер. В то время еще не были так распространены мобильные телефоны и нельзя было просто позвонить и уточнить, где находится муж – может, завис где-нибудь около метро и догоняется пивом с коллегами по работе.

Потом у нас появились мобильники. Сначала у меня – он был нужен мне по работе. А потом и у Андрея. С того момента я могла бы позвонить ему и узнать, где его черти носят. Но к тому времени мне это уже было неинтересно.

Кстати, а тогда я еще любила его? Или уже нет?

Андрей вошел в комнату, хлопнул дверью и принялся ходить из угла в угол, шебурша какими-то бумажками. Я проснулась и подумала: а не из-за него ли у меня вечная

бессонница? Надо бы попробовать спать в гостиной, может, я наконец начну высыпаться? К чему из последних сил делать вид, что мы семейная пара. Спать в одной кровати и слушать, как ненавистный тебе человек ворочается, мечется по подушке, скрипит во сне зубами. Есть у Андрея такая неприятная привычка. Особенно если он ложится спать «под градусом». А это в последнее время не редкость.

– Может, не будешь грохотать? Мне завтра рано вставать, – недовольно пробурчала я.

– А мне, по-твоему, не надо вставать? – раздраженно отреагировал он. Чтобы начать раздражаться, нам достаточно пары предложений.

– Иди, почитай свой журнал в кухню. Не мешай мне спать!

– Даже и не собирался, – усмехнулся Андрей, отчего я окончательно проснулась. Трезвый он еще хуже, чем когда выпьет.

– Знаешь, давай без оскорблений. А то ведь я могу тебе ответить, – бросила я.

– Я ничего ТАКОГО в виду не имел. Спи, дорогая. Трудоголик ты мой! Кормилица! – В его голосе было столько яду, что можно было задохнуться, находясь рядом. Эпицентр радиусом в метр. Ядерный гриб.

– Кто-то же должен тянуть семью, пока ты предаешься своей трепетной обиде на жизнь, – не сдержалась я.

Андрей побледнел и сжал губы.

– Спокойной ночи, – процедил он и вышел, с яростью

хлопнув дверью.

Хорошо, что в свое время я не стала экономить на дверях, а то бы они давно слетели с петель. Шарахать ими со всей дури стало доброй традицией нашего дома.

Я вскочила и крикнула вдогонку:

– Мог бы хоть сыном заняться, раз больше от тебя никакого толку! Его скоро из школы попрут, и в этом будешь виноват ты.

Ответа я не дождалась. Может быть, Андрей меня не услышал? Наверняка услышал, просто не счел нужным продолжать бой. Что ж, сдаваться – это вполне в его стиле. Сейчас он будет оскорбленным изваянием сидеть на кухне и снова дымить, чтобы достать меня хотя бы этим. Андрей – преподаватель в институте, и если бы захотел, то подтянул бы Мишку в два счета. Я знаю, каким прекрасным учителем может быть мой муж, когда хочет. Если бы не он, вылетела бы я из Бауманки после первого же курса. Может, это было бы и к лучшему. Так что он просто плюнул на Мишку. На единственного сына, между прочим. Которого в детстве просто обожал.

Утром, открыв глаза безо всяких дополнительных усилий, по моей личной доброй воле, я выяснила, что, во-первых, я прекрасно выпалась. А во-вторых, господи, я проспала все на свете.

Почему и каким образом мой будильник, заведенный на нужные мне шесть утра, не прозвонил, долго выяснять не

пришлось. Хлопнув дверь, Андрей забрал с собой не только журнал, но и будильник.

– Это он специально, – ворчала я, в спешке натягивая колготы и вспоминая, что именно я пропустила. Совещание с руководством! По вторникам оно у нас в девять утра. Черт, черт, черт! Сколько же времени? Я доскакала на одной ноге (вторая уже была в колготках) до кухни и посмотрела на часы. Оказалось, что мой измученный нагрузками организм благополучно продрых до одиннадцати утра.

– Блин! Кошмар! – Я судорожно принялась набирать номер офиса.

Может, что-нибудь случилось и совещание перенесли? О чем я, господи, его никогда не переносят!

Моя секретарша Алина, как всегда, отсутствовала. Курение – идеальный повод сократить рабочий день на несколько часов. Кажется, ее перекуры скоро превысят по длительности трудовой период ее дня. Я набрала прямой номер босса – президента нашего представительства.

– Алло! Дмитрий Валерьевич? Здравствуйте, да. Это Елена Петровна. Да. Вы извините, что не смогла позвонить раньше, но никак не могла вырваться. Да, меня вчера вызвали на переговоры. Да, новый проект. Я не успела вас предупредить. Переговоры многообещающие. Я напишу отчет. Спасибо.

Главное правило – никогда не признавайся в том, что просто проспала. Всегда есть тысячи сказок, с помощью которых

опоздание может повысить твой авторитет. Конечно, было бы лучше свалить все на секретаршу, сделать вид, что я общалась ей о том, что меня не будет на утреннем совещании, но, раз уж мне не удалось до нее дозвониться, сойдет и так. Прямой звонок руководителю – тоже корректный вариант. Теперь он знает, что я не дрыхну дома, а тружусь на благо фирмы с утра до ночи. Не забывая при этом про совещание. Я снова нажала номер своей приемной. Алина наконец отозвалась:

– Алле!

– Сколько раз я просила тебя представляться и называть фирму! – Я не стала тратить время на приветствия.

– Елена Петровна, извините. Я думала, вы на совеща... то есть я исправлюсь, ой... извините, – заблелая Алина.

К сожалению, секретаршу выбирала не я, мне просто прислали эту девицу из отдела кадров. И сказали, что она в некотором роде имеет отношение к нашему куратору из «органов». В общем, ее профпригодность не подлежит сомнениям и все такое...

– Представьте как полагается, – сухо потребовала я. Раз я не могу ее уволить (во всяком случае, пока она состоит в отношениях с куратором), то могу хотя бы понервировать.

– Конечно, – притихла она. – Представительство компании «Эф ди ай систем», приемная Демидовой, Алина, чем могу помочь?

– Отлично. Старайтесь, чтобы именно это звучало в теле-

фоне. Для международной корпорации нашего уровня вашего «алле» недостаточно.

– Конечно, не волнуйтесь, – заверила меня Алина.

Мне кажется, она втайне меня ненавидела. Но это ее проблема. Шла бы в секретари к своему куратору, тогда бы в ее обязанности деловой этикет вообще не входил.

– Я не волнуюсь. Мне интересно, где вы были последние десять минут. Вас не было на месте, телефон не отвечал.

– Я... я... отлучалась за документами, – окончательно растерялась Алина.

Раз так, я достигла цели. Должна же от нее быть хоть какая-то польза. Она не умеет нормально стенографировать, печатает на компьютере двумя пальцами и не владеет специфической терминологией нашей компании. Пусть хотя бы сидит около телефона и отвечает на звонки.

– Если еще раз вы отлучитесь до обеденного перерыва, я буду вынуждена вас оштрафовать. Понятно?

– Да, – еле слышно ответила Алина.

Наверное, в этот момент она мечтала сделать восковую куклу с моими чертами, чтобы исколоть ее иголками. Но в моей жизни и так все идет через одно место. Сделать мне еще хуже невозможно.

– Прекрасно. Если мне будут звонить, скажите, что я на выезде и записывайте сообщения. Если вы не сможете разобрать какие-то слова, попросите повторить. И пожалуйста, не давайте никому моего мобильного номера. Договори-

лись?

– Ладно, – промямлила Алина. Почувствовала, видать, что туча прошла мимо и гроза не разразится.

Я была слишком выпавшейся, чтобы реально злиться на кого-то. Тем более что все организовалось очень удачно. Раз я на переговорах, останусь-ка я дома и проведу пару часов в тишине и комфорте. Приму ванну, выпью кофе, посмотрю какое-нибудь кино. У меня скопилась целая стопка всяких новинок, которыми меня регулярно снабжают друзья. Но посмотреть их у меня нет времени. Когда-нибудь я разом использую все недогулянные отпуска и буду сидеть перед телевизором месяц.

Я положила трубку, потянулась и стащила надетые на одну ногу колготки. Буду ходить босиком, есть прямо из сковородки и пялиться в большой плазменный телевизор в гостиной. Я так долго мечтала о нем, но почти никогда не включала. Получалось, что я купила его мужу. За какие такие подвиги? За то, что он с поразительным постоянством осваивает мою заработную плату? Или за то, что он никогда не моет за собой посуду, хотя у нас в доме есть посудомойка и достаточно просто запихнуть в нее тарелки?

«Все! Надо как-то успокоиться. Наверное, я слишком много работаю, раз мое терпение меня подводит», – подумала я, вставляя в DVD-проигрыватель диск с «Хорошим годом» Ридли Скотта.

Мой приятель Марк говорил, что я должна посмотреть

этот фильм, если почувствую, что перестая справляться. А у меня возникло стойкое ощущение, что сейчас настал именно такой момент. Если меня снова начал возмущать тот факт, что в нашей семье деньги зарабатываю я, значит, я действительно переработала. Ведь в этом факте не было ничего нового или неожиданного. Так было всегда. Я работала, чтобы наша семья вела достойное существование, пока Андрей занимался поисками себя. Он искал себя, а я искала деньги на жизнь. Каждый занимался своим делом, и всех это устраивало. Что же изменилось? Пожалуй, только то, что больше я его не люблю. Нет, не так. Я его ненавижу.

«Хороший год» оказался именно таким, каким я его и представляла. Романтичным до приторности, но удивительно красивым фильмом, сделанным скорее не как фильм, а как некая подложка к пейзажам Франции. После него мне сразу захотелось сесть в самолет и улететь в Прованс. Хоть на пару дней, так, чтобы там были только я и Марк. Ну и пейзажи, конечно. Марк говорил, что Прованс в жизни еще лучше, чем в фильме Ридли Скотта. Неужели возможно лучше? И что мне, собственно, мешает прямо сейчас пойти и купить билет на самолет? Сын? Его и за уши не оттащить от компьютера, я ему нужна только в качестве источника пищи. Андрей? Ха-ха, не смешите меня.

– Вот возьму и уеду, – размечталась я, наполняя ванну водой.

Деньги у меня есть. С некоторых пор я стала откладывать

небольшие суммы, немного откусывать от моей зарплаты, которая до этого вся без остатка растекалась по квитанциям за квартплату, выплатам кредита за машину, на которой ездит в свой институт Андрей и прочим платежам. В какой-то момент я поняла, что моих заработков едва хватает на то, чтобы обеспечить высокий уровень комфорта моим иждивенцам. А я при этом бегаю по распродажам, чтобы купить фирменные вещи со скидкой. Заместитель главы представительства по интеграции систем автоматизации в российское производство имеет право покупать вещи без скидок! С аппетитами моего мужа не хватит никакой зарплаты, а я работала на иностранную корпорацию и получала большую, но фиксированную зарплату.

«Доколе?» – задумалась я однажды, когда мой супруг слил с нашего общего счета, куда поступает моя зарплата, несколько сотен долларов и отбыл в командировку в Турцию на международную конференцию. Их командировочных с трудом хватало на трехзвездочную конуру, а Андрей решил не оставлять себя любимого без отдельного номера с душем и бассейном в здании отеля.

На мой вопрос: «Почему на мои деньги?» – он удивленно поднял бровь: «А на чьи?». «Действительно!» – пожала я плечами.

О том, что эти деньги слетели с моего счета, я узнала, стоя перед кассой одного бутика с красивым вечерним платьем в руке. Его отдавали с пятидесятипроцентной скидкой!

– Недостаточно средств на счету, – прокатав карту пять раз, развела руками кассирша.

Вот после того раза, когда я, красная от стыда, вылетела из магазина, я и стала снимать ежемесячно некоторые суммы наличными. На всякий случай. Почему это у меня не может быть достаточно средств для своих нужд? Муж – большой мальчик, неужели же я действительно должна всю жизнь тащить его на себе? Я согласна кормить его, оплачивать квартиру и его бесполезную работу, доходов с которой еле хватает на его обеды в институтской столовой, сигареты («Davidoff») и бензин (девяносто пятый «Ультра»). Остальное – мое! И если мне удалось за последние полгода скопить около пяти тысяч лично для себя, можно действительно задуматься об отпуске. Вот сейчас позвоню Марку и скажу:

«Послушай, Марк, как ты относишься к тому, чтобы вместе прошвырнуться по Провансу?»

А он ответит:

«Элен, ты серьезно? Мы не виделись больше года! Это просто чудесная мысль!»

Я вылезла из ванны, вытерлась и надела любимый шелковый халат. Я привезла его из Германии, куда ездила на стажировку по интеграции нашей системы в крупные заводские комплексы. Идея улететь к Марку нравилась мне все больше. Я была просто уверена, что он придет в восторг от моей идеи. На получение французской визы уйдет около месяца. К тому моменту уже начнется апрель. Весной Прованс дол-

жен быть просто фантастическим.

Я подошла к стеллажу в гостиной и аккуратно вытащила первый слой книжек с верхней полки. Эта полка была заставлена исключительно моими книгами по работе и техническими справочниками. Сын в них не понимал ни слова, а мужу на мою работу было глубоко плевать. Именно поэтому для тайника я выбрала верхнюю полку, где стоял справочник по сопромату, оставшийся у меня еще со студенческих времен.

– Тут должно быть даже больше пяти штук, – прикинула я. Откладывать стратегический запас я начала около восьми месяцев назад.

Я стерла пыль с обложки и раскрыла книжку. Прованс будоражил мое воображение. Наконец-то я позволю себе что-то исключительно ради себя самой. Я перетряхнула страницы справочника. Потом перетряхнула их еще раз. И еще. Я трясла книгу за корешок, перелистывала страницы, просмотрела даже остальные книги с верхней полки. Денег не было. Андрей все-таки добрался и до них!

Глава 2

ПРОГРЕСС НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕКА

Интересно, а известная героиня сказок Баба-яга — она всегда была такой замотанной, ободранной и злой? Или сначала тоже была симпатичной юной девушкой, мечтающей о любви и красивой свадьбе? А потом эта девушка вышла замуж, в один миг получив метлу (тогда еще чтобы подметать), лохмотья (зачем тратить, ведь ты все равно сидишь дома?) и кучу котелков, чтобы варить варево. Тогда, в те далекие времена, когда Баба-яга еще только отходила от медового месяца, предполагалось, что варево должно быть вкусным и приготовленным не из полуфабрикатов. Таким образом, получалось, что вздорная оборванка на метле — просто жертва обстоятельств, в силу которых сначала она была на луну и штопала свой дикий наряд, а потом сварила в котелках отраву для свекрови и скрылась, улетев в ночное небо на метле. Нормальная житейская история, между прочим.

В тот момент, когда я окончательно убедилась в полнейшем отсутствии денежных средств в справочнике по сопро-мату, я почувствовала, что окончательно перерождаюсь в Бабу-ягу. На мне не было лохмотьев, и зубы у меня были в порядке, но трансформация, которую я отмечала в себе

несколько последних лет, неожиданно завершилась. Я окончательно порвала со светлой стороной силы и перешла в стан Темного Лорда. Мне захотелось крови. Вся жизнь моментально пронеслась перед моими глазами. Я вспомнила, как пятнадцать лет назад стояла в ЗАГСе и смотрела на Андрея с обожанием.

Мы поженились, потому что я забеременела. То есть нет. Не так. Сначала мы просто дружили. Впервые я увидела его еще в экзаменационной аудитории, при сдаче письменной физики. Я рыдала над задачей, пере забыв от страха все формулы, а он со скукой смотрел на меня и усмехался. Для него экзамены в МГТУ им. Баумана были слишком простыми.

– Ну и? – раздраженно спросила я, поймав его взгляд.

– Чего? – удивился он.

– Много интересного увидел?

– Зачем идти в такой вуз, если не знаешь азов?!

– Больно умный? – съехидничала я, не догадываясь, что попала в самую точку. Андрей был очень, очень умным. И если бы не он – я бы провалила физику. Да, он успел решить и мой вариант. В принципе он никогда не был жадным или злым.

Мы сидели рядом. Андрей сказал, что без его тетрадки я пролечу мимо института как фанера над Парижем, что, если честно, совсем недалеко ушло от истины. Нет, романа у нас не было. Тогда еще не было. Я бродила по студенческим дискотекам и искала свое счастье на тусовке в общежитии. Ан-

дрей учился как одержимый. У него ведь была мечта. Мечта, из-за которой потом все и изменилось до неузнаваемости.

Он с жаром участвовал в процессе, я с прохладцей списывала из его тетрадки. Ему давали какие-то грамоты и посылали представлять наш институт на разных студенческих конференциях. Я же считала свою жизнь разбитой одним студентом с параллельного потока. Пока не влюбилась в преподавателя информатики, потом в студента, который ходил с гитарой, потом в студента из Днепропетровска...

– Знаешь, а ведь я бы мог жениться на тебе, – сказал мне как-то Андрей.

Мы обедали в студенческой столовой, подходил к концу пятый курс. Услышав его слова, я чуть не поперхнулась. Мыслей о семье у меня тогда еще не было. Мыслей о семье с Андреем у меня не было никогда.

– Серьезно? А зачем? – удивилась я. Если ты с кем-то дружишь целых пять лет, такие идеи могут показаться в высшей степени странными.

– Мне кажется, ты уже вполне выросла, – безо всякого стеснения сказал он.

– А ты, значит, ждал?

– Ну конечно. А зачем бы еще я постоянно за тебя делал все работы? Из тебя может выйти отличная жена, – флегматично сказал Андрей и убрал поднос с грязной посудой на столик около кассы. Я же так и осталась сидеть с открытым ртом.

– Это предложение? – уточнила зачем-то я.

– Пока нет. Но ты можешь уже завязывать со всякими глупостями, – пояснил Андрей, прежде чем отправиться на семинар.

Он все решил за меня, а мне просто сообщил об этом. Ни признаний в любви, ни поцелуев. Так... поговорили. А через недельку-другую я поняла, что действительно это лучше всего. Андрей был не просто идеалом – он был уникален. Он вообще мог заменить собой весь мир. В нем можно было раствориться и не вспомнить, как тебя зовут. И потом, я ведь никогда не смотрела на него в таком ракурсе. Между прочим, и внешне мой Андрей всегда был очень даже ничего. Умное лицо, острый взгляд карих глаз, непослушная челка, которую все время хотелось убрать назад, с глаз. И очень решительное, волевое лицо. Это было у него всегда.

«Что же теперь делать?» – думала я, поглядывая на то, как он сосредоточенно записывает лекцию. Его курсовые уже тогда включали в свои работы наши преподы.

Я поняла, что и сама больше всего на свете хочу, чтобы его слова не остались только теорией. «Я мог бы жениться на тебе...» И что дальше?

Дальше Андрей решил все сам. Однажды он подошел ко мне и сказал:

– Завтра после лекций жду тебя около института.

– Хорошо, – с трудом скрыла я волнение.

С уверенного, решительного поцелуя у выхода из «бур-

сы» и начался наш роман. Мы встречались несколько лет, пока однажды я не поняла, что беременна. Да, я забеременела (а чего вы хотели, это всегда происходит с теми, кто высчитывает безопасные дни). Кажется, Андрей тогда уже защитил кандидатскую диссертацию. Окончив институт с красным дипломом, он моментально был захвачен каким-то секретным КБ и строил космические корабли. Ах нет, кандидатскую он защитил, когда я уже родила. Как же это было давно. Пятнадцать лет!

– Что ж, значит, надо пожениться. Сегодня ничего не планируй на вечер, я познакомлю тебя с мамой, – сказал Андрей, узнав от меня, румяной и смущенной, эту новость.

– С мамой? Ты уверен?

– А что делать? Когда-то придется!

Да-да, хоть мы и были знакомы уже кучу лет, я ни разу еще не видела его маму. Он говорил, что на это есть очень веские причины. Что ж, Андрей был, как всегда, абсолютно прав.

– Это моя Леночка! – радостно подтолкнул меня перед собой Андрей.

В тот раз я еще надеялась, что смогу очаровать его маленькую, со вкусом одетую мать. Впоследствии я никогда больше на это не рассчитывала. А еще позже, когда Мишка уже ходил в школу, я поняла, что Анна Сергеевна была бы рада никогда никого не видеть рядом с Андреем. Даже Мишку. Андрей был ее единственной и самой большой любовью. В нем были все ее надежды, и он раз за разом оправдывал их.

Я родила в начале девяностых. Тогда для Андрея были открыты все двери.

– Значит, это вы! – безо всякого «здрaсте» уточнила будущая свекровь и принялась молча сверлить меня глазами.

– Мам, я же просил, – нахмурясь, напомнил Андрей.

Анна Сергеевна жестом оборвал его, обошла меня кругом и спросила.

– Ты считаешь, что она в состоянии родить тебе хорошего ребенка?

После этого, как вы догадываетесь, я покрылась красными пятнами стыда и гнева. И уже не рассчитывала на теплый дружеский прием. Анна Сергеевна не сводила с меня злого взгляда. Еще бы, ведь я дала ее мальчику единственное, чего не могла дать она, – физическую любовь. И уже за одно это Анна Сергеевна возненавидела меня. Но как потом выяснилось, у меня была масса и других недостатков.

– Я очень люблю Андрея и буду ему хорошей женой, – попыталась я заверить ее. Мое лицо, несмотря на пятна возмущения, светилось огнем неподдельной любви. Лучше бы я сказала, что просто случайно залетела. За мою любовь она возненавидела меня еще больше.

Теперь я стояла в гостиной со справочником по сопрома-ту и ругала Андрея на чем свет стоит. Предполагалось, что, в тот день, когда он надел на мой палец обручальное кольцо и стал отцом маленького Мишки, я испортила ему жизнь. Об этом, по крайней мере, свекровь не уставала напоминать

все эти годы. На самом деле в судьбе Андрея из-за нашей свадьбы не поменялось ровным счетом ничего. Он должен был стать тем, кем стал. Со мной или без меня – это все равно бы произошло. Я не была в этом виновата, хоть свекрови и хотелось в это верить. На самом деле это именно Андрей сломал мне жизнь. Не без помощи своей стальной мамочки, конечно.

А теперь он еще и украл мои деньги! Первой мыслью моей было порубить мерзавца на куски. С какого рожна он решил, что может брать мои средства и пользоваться ими без зазрения совести. Ведя приятный и необременительный образ жизни, он умудрялся унижать меня, игнорировать сына и не испытывал при этом никаких угрызений совести. Руки мои сами собой потянулись к телефону. Набрать номер его мобильного, пусть даже он у него зазвонит прямо посреди лекции (чего Андрей страшно не любил) и высказать все, что я о нем думаю.

– Стоп, это не пойдет. Он просто бросит трубку, а потом скажет, что не намерен выслушивать истерические вопли взбалмошной идиотки. И что? Не успею я выпустить пар, как все кончится.

– Тогда надо дождаться вечера и потребовать деньги.

– Ага, – засмеялась я на свою дикую идею. – А он ухмыльнется, как обычно, и пошлет меня подальше. Скажет: никаких денег я не брал, сама небось потеряла. Да еще и спросит, как я могла копить деньги, скрывать их от семьи.

– А потом размажет меня по стенке со всей той своей садистской логикой, на которую он такой мастер.

Следовало признать, что, как бы ни хотелось мне начать немедленную войну, лучше было выбрать политику осады. Терпение – мать учения. Мечь, как известно, блюдо, которое надо подавать холодным.

Надо было успокоиться, убрать справочник по сопромату на место и вообще вернуть все на место. И сделать вид, что ничего не произошло.

Хорошо, что я все-таки окончила Бауманку, хоть это и унесло несколько лет моей жизни. Потому что, будь я домохозяйкой, я не смогла бы воплотить в жизнь тот план, благодаря которому я могла быстро и гарантированно разобраться, куда мой муженек пристроил денежки. Я купила необходимые запчасти и буквально за пару часов соорудила в нашем домашнем телефоне записывающее устройство, именуемое в простонародье «жучок».

– Теперь ты не скажешь, что я дурочка в маразме и все, как всегда, перепутала, – приговаривала я, завинчивая обратно трубку телефона. – Я не просто все узнаю, я заставляю тебя все вернуть. Рано или поздно наверняка проболтаешься, вор хренов. Пришло время припереть Андрея к стенке и расставить наконец все точки над «і».

Вечером я улыбалась ласково и беззаботно. Андрей приехал из института рано, с аппетитом съел две тарелки борща, отказался от гречневой каши и завалился в гостиной перед

телевизором.

– Как прошел день? – заботливо поинтересовалась я.

– Нормально, – буркнул он, наклонив голову, – я загорела ему экран.

– Не опоздал на работу? – ехидничала я. Впрочем, не зло, без надрыва. Мысль о маленькой кассете, включающейся всякий раз, когда кто-то говорит по телефону, грела меня. Я-то поговорю и по мобильному, тем более что у меня безлимитный тариф, оплаченный работодателем. А вот супруг со своим кривым платным номером обязательно будет вести свои разговоры по домашнему номеру. Он же экономит свои карманные деньги, а телефон он оплачивает именно из них.

– Нет, все хорошо, – поморщился Андрей. – Отойди, а то не видно.

– Да, я не стеклянная, – кивнула я.

– Да уж, не стеклянная, – отвечал он рассеянно.

– А что ж ты тогда утром меня не заметил? – Я чуть повысила тон, чтобы он отвлекся от «Новостей».

– Что ты несешь? – наконец свел брови Андрей.

– А то. Ты, видимо, решил, что меня нет, раз взял мой будильник и не удосужился вернуть его на место. Ты, вообще, в курсе, что я из-за тебя на важное совещание не попала?! – Против воли я начала раздражаться. А ведь клялась себе, что буду сохранять спокойствие. До поры до времени.

– Ничего, лишний выговор тебе пойдет на пользу, – осклабился Андрей.

Я замолчала. «А чего ты ждала, что он извинится, пообещает никогда так больше не делать? Или ты забыла, как он ненавидит твою работу? Может, стоит напомнить, что он считает тебя торгашкой?»

– Знаешь, твое свинство переходит всякие границы. Это может плохо кончиться!

– Для кого? – философски уточнил Андрей, не ожидая, впрочем, моего ответа.

«Новости» сменились документальным фильмом об истории какого-то авиатора. Андрей перестал реагировать на мой голос. Если бы это был обычный день, я бы вырубил телевизор и не подпустила бы его к пульту, и в конце концов, мы стояли бы в коридоре и орали бы друг на друга, пока один не ушел, хлопнув дверью, на улицу – остыть. Обычно это был Андрей. Но иногда и я. В любом случае вечер был бы испорчен для обоих. Но сегодня в телефоне притаился маленький «жучок», поэтому я спокойно улыбнулась и вышла из гостиной. Кажется, Андрей даже удивленно посмотрел мне вслед.

Всю следующую неделю я ждала момента прослушать свой маленький кусочек истины. Это оказалось не так-то просто. Проблемы, препятствовавшие мне, прямо-таки выстроились в очередь. Во-первых, работа. Такая работа, как у меня, требует постоянного присутствия. Практически с утра до вечера.

Я работаю на международную компанию, не шибко крупную, но очень востребованную сегодня на российском рын-

ке. Мы автоматизируем производство. Звучит скучно, но на самом деле ни одно крупное предприятие (и мелкое тоже) не может полноценно работать без такого рода систем. В одну цепь мы увязываем базы данных, людские ресурсы, складские условия, сроки производства и контроль за исполнением.

Приведу маленький пример работы нашей системы. Даже не системы, а только лишь маленькой ее частички под названием «контроль за миграцией». Вот представьте, пришли вы к себе в офис, чуть-чуть задержавшись около витрины магазина косметики, немного потрепавшись с коллегой в курилке и обсудив новости с дамой на ресепшн. Вы подходите к дверям, ведущим в помещение фирмы. Тут-то я и ловлю вас за руку. Как? А вот как: вы достаете из сумочки магнитный пропуск, тот самый, на котором имеется ваша фотография, ФИО и должность, и проводите им по маленькой белой коробочке с огонечком. Красненький меняется на зелененький. Вы проходите в здание, кивая коллегам, а я затягиваю невидимый поводок на вашей милой шейке. С этого момента и до окончания рабочего дня я буду отслеживать каждый ваш шаг. Я узнаю о вас все или почти все.

Как часто вы опаздываете на работу и на сколько.

Случается ли вам уходить с работы раньше положенного времени.

Много ли вы курите.

Сколько времени проводите на обеде.

Заходите ли в помещения, в которых вам по роду работы совершенно нечего делать, например в архив к Машке, поболтать о новой диете.

И даже как часто вы ходите в туалет и сколько времени там сидите. Да-да, не удивляйтесь, ваши начальники поставили замок-контроллер и туда. А вы-то думали, зачем он там, если все свои? Да, именно для этого.

Ежедневно системы автоматизации записывают тонны закодированных сигналов открывания и закрывания дверей, и разобраться в этой хаотической информации помогает – кто бы вы думали? Опять угадали! Снова я. То есть утверждать такое совершенно неправильно, ибо я всего лишь контролирую продажу и интеграцию нашей системы на вашей фирме. И все-таки именно я в какой-то части ответственна за то, что, когда вы будете с замиранием сердца ожидать повышения и прибавки жалованья, его дадут вашей стерве-соседке, которая вечно смотрит на всех волком и вообще не курит. Почему? Именно, ее присутствие на рабочем месте будет втрое превышать ваше. Вуаля!

Такая работа, как у меня, связана с постоянными разъездами, посещениями цехов, переговорами о стоимостях, условиях и порядке интегрирования... В общем, к тому моменту, как я появляюсь дома, там уже торчат или Андрюша, или Мишка. А при них я бы смотрелась странно, раскручивая отверткой телефонную трубку.

«Мам, ты чего делаешь?»

«Ничего, сынок. Играй. Мама собирает на папу компромат».

Правда, интересная ситуация? Вот и я так подумала, поэтому никак не могла подгадать момент, чтобы наконец узнать плачевную судьбу моих пяти тысяч. Руки чесались, конечно, подкрасться к телефону посреди ночи и раскрутить его. Но мне хотелось в спокойной обстановке произвести все необходимые следственные мероприятия. Все-таки не каждый день шпионишь за собственным мужем. В конце недели, когда я уже совсем было раскатала губу, что проведу выходные дома наедине с диктофоном и бокалом сухого шабли, раздался звонок.

– Надо ехать в Красноярск, подписать акты согласования техусловий. А то они навнедряют там чего придется, а нам потом отвечать, – хмуро сообщил мне шеф.

– Почему я? – законно, но без надежды спросила я. Мой шеф действует по принципу «Хочешь сделать больше, нагрузи этим своего зама».

– Потому что я не уверен, что у них вообще есть подходящее под серверную помещение. Установят серверы в сыром подвале, а мы потом будем по суду доказывать, что это их вина.

– Откуда информация? – заинтересовалась я.

В целом я не возражала против того, чтобы самые ответственные дела сваливали на меня. Во-первых, я люблю свою работу (наверное, за это Андрей ненавидит ее еще больше).

Во-вторых, это шанс получить повышение. А как еще можно подсидеть шефа, если не делать за него все подряд? С него-то тоже спрашивают, причем не русские лохи, а иностранные господа-инвесторы и кураторы. А они в последние годы все чаще вместо него звонят мне. Чем не результат?

– Мне позвонил тамошний «ИТ-шник»¹ криком кричал, бился, что ни за что не отвечает. А мы что – будем? Оно нам надо? – меланхолично поинтересовался шеф.

Я лишь уточнила:

– Когда лететь?

– Завтра утром, – обрадовал меня шеф.

Выходные в обнимку с диктофоном отменялись, поскольку Красноярск был важнее. Этот набитый разнообразным производством город так и просился к автоматизации, и деньги там были большие. Но люди, к сожалению, зачастую работали там дремучие и не верили на слово, когда им объясняли, что серверную² нельзя располагать в сырых, плохо отапливаемых и вентилируемых помещениях. Для них не было никакой разницы между струйным принтером и современным сервером.

– Партия сказала надо... – грустно улыбнулась я и поехала за билетом.

Красноярский клиент ругался со мной почти неделю, пы-

¹ Специалист в области информационных технологий.

² Помещение с компьютерным оборудованием, на котором хранится вся информация предприятия.

таясь сэкономить на условиях эксплуатации, оплате запчастей или хотя бы на откатах. Последнее было нереально.

Удачный момент прослушать запись с телефона обломился мне только через две с лишним недели, в воскресенье. Как только Мишка отбыл к своему мегадругу Витьке, а Андрей скрылся в неизвестном направлении, я приступила к задуманному.

– Ты скоро вернешься? – успела лишь спросить я Андрея, когда его спина почти исчезала в дверном проеме.

– А что? – вопросом на вопрос ответил он. Ненавижу этот прием, хотя и сама постоянно так делаю.

– Ну как, я же буду волноваться! – Я состроила одно из моих умилительных выражений лица.

При моем довольно жестком характере лицо мне досталось женственное и мягкое. Такие как я, аппетитные среднего роста шатенки с чуть выющимися волосами и широко распахнутыми серыми глазами, обычно рекламируют всякие шоколадки для деточек. Заботливые мамы, ласковые жены, бла, бла, бла... Все это совершенно не про меня, но рожицу «когда ты будешь обедать, дорогой» я соорудить могу.

– Ты? Волноваться?! У тебя что, нервишки расшалились? – любопытствовал Андрей.

– А что, жена не может спросить мужа, когда он придет? – уже сухо уточнила я.

Андрей остановился и внимательно всмотрелся в мое лицо.

Я отвела глаза. Что-что, а способность к анализу у него всегда была фантастическая. Наконец он расслабился и перевел взгляд.

– Хата свободна до вечера. Отдыхай, дорогая.

– И на том спасибо, – изобразила я оскорбленную невинность, хотя в целом узнала то, что хотела.

Закрыв дверь на защелку, я раскрутила наконец трубку и вынула своего «жучка»-паучка. Он лежал на моей руке, такой маленький и беззащитный, такой цифровой... Я вынула карту памяти и вставила ее в магнитофон. Файлов-разговоров было много, около тридцати. Кровь прилила к щекам, когда я поняла, что сейчас буду слушать чужую, совершенно не предназначенную для меня информацию. Подслушивать разговоры – я никогда этим не занималась и, наверное, правильно делала, потому что шпион из меня никакой. Первый же разговор заставил меня почувствовать себя последней свиньей.

Говорил Мишка:

– Слушай, ты поедешь на Горбушку?

– А когда? – отвечал ему Витька.

– Ну, завтра. Ты же хотел «яву» купить.

– Не знаю даже. Мне сейчас не до «явы». А ты что, все-таки всерьез решил? А не геморрой?

– Да надоело все. Детский лепет. Надо начинать что-то делать. Хоть самоучитель откатаю. Так поедешь?

– Подумаю. Давай потом звякни, о'кей?

На этом разговор, собственно, был окончен, а я сидела пунцовая и думала, что просто не смогу вот так запросто прослушать все записи. Мне совершенно не хотелось знать, что говорят в мое отсутствие близкие. Особенно Мишка. Тем более что из записи я все равно ничего не поняла. Кроме того, что мой сын, возможно, не совсем идиот, которого могут выставить из школы. Ведь если мальчик говорит, что ему все надоело и хочет купить «яву» (а это среда для профессионального программирования), то вряд ли он страдает слабоумием.

Следующий разговор тоже был Мишкин, на этот раз с какой-то неизвестной мне девочкой. Как только я услышала ее голос, моментально стерла запись. Нет, это уж слишком. В личную жизнь сына я не полезу ни за что.

Следующие пару разговоров мой супруг обсуждал со своим коллегой Смирновым (скользкий, между прочим, тип), как им лучше поменять расписание лекций, чтобы освободить пятницу. Кажется, муж собирался куда-то литься, но об этом я не знала, так как в ту пятницу приехала домой к ночи, а утром уже улетела в Красноярск.

Я уже совсем было расслабилась и приготовилась выуживать из записей информацию о материальном положении Андрея (особенно упоминания пяти тысяч долларов, украденных из справочника по сопромату), как вдруг услышала то, что ожидала услышать меньше всего. Хотя на самом деле должна была ожидать. Должна была.

Глава 3

ИДЕАЛЬНЫЙ БРАК, МОДЕЛЬ С ДЕФЕКТОМ

Интересно, кто-нибудь хоть раз задумался о том, удобно ли страусу стоять, сунув голову в песок, и трясти от ужаса хвостом. Я уж не говорю о том, до какой степени неприлично это положение. Но как долго можно прятаться от проблем таким образом? Помогает ли такой метод «релаксации»? Проблема-то остается стоять рядом, с усмешкой посматривая на то, что осталось над песком. Проблема, может быть, в этот момент только нарастает. К тому же у страуса могут возникнуть и другие, сопутствующие, неприятности. Кто-нибудь подойдет да и даст пинка. Прямо по трясущейся... по трясущемуся хвосту. В общем, никакой пользы кроме вреда для страуса от этого стояния головой вниз нет.

Интересно, а зачем в таком случае я последовала его примеру? Неужели же я, взрослая, хорошо обеспеченная женщина, с высшим образованием и курсами стажировки в Германии, мать пятнадцатилетнего сына, дама с богатым жизненным опытом, прожившая несколько лет с самой Анной Сергеевной, – не смогла взять да и принять вертикальное положение? Потому что тогда мне бы пришлось взглянуть на ситуацию трезво и здраво. Да, именно так и поступают пол-

ноценные взрослые люди. Например, Марк.

Когда я спрашивала Марка, почему он не женится, не заведет детей, он всегда говорил:

– Дорогая, я взрослый и, смею надеяться, умный человек. Я прекрасно понимаю, за что меня девушка полюбит в моем-то возрасте и с моей-то еврейской внешностью.

– За деньги? Я бы тебя полюбила за деньги, – ехидничала я.

– Ну, не только. За квартиру в Париже, за возможность получить двойное гражданство. А я бы хотел, чтобы меня понимали. Ценили мое знание ресторанов. Умение слушать. Умение рассказывать. Но видишь ли, русским девушкам это все безразлично.

– Но, может, тебя полюбит какая-нибудь француженка? – интересовалась я. – Ты же такой изысканный, романтичный. Даже не верится, что когда-то ты жил и рос в СССР.

– Значит, я хорошо ассимилировался. Но на французскую жену никакой зарплаты не хватит. Для этого мне надо как-то исхитриться и убить одного из учредителей нашей компании, например. А потом непонятно как занять его место. И все равно может не хватить. Но главное-то не в этом!

– А в чем? В любви? Ты не веришь в любовь?

– Я верю в единение душ, хотя бы потому, что действительно это видел. Я помню, как жили мой дед и бабушка. Но в остальном я прекрасно знаю, как это будет. И чем кончится.

Мы с Марком сидели в одном из московских ресторанчиков. Он снял очки в тонкой оправе и протер стекла своим идеально чистым платком. Девять лет назад, когда я только пришла в «Эф ди ай», он возглавлял отдел автоматизации и бесил меня своей невозмутимостью и умением все спокойно обдумывать. Через некоторое время я начала им восхищаться. А потом его с повышением перевели во французское отделение, меня же поставили на его место, а наше общение стало преимущественно электронным.

– И чем же все кончится?

– Сначала она будет делать вид, что ей интересна моя работа и я сам, а я буду покупать ей все, что угодно, чтобы только видеть ее восхищенные глаза. Потом она будет переключать мои фильмы на свои сериалы, а я буду покупать дорогие подарки уже не ей, а нашей дочери.

– А потом? Что потом? Развод? – Мы оба без малейшего дискомфорта могли болтать обо всем на свете. Жалко все-таки, что он так редко теперь бывает в России.

– Потом... конечно, развод, но главное – разбитое сердце у меня, а дочь, скорее всего, у нее. И за право видеть ее я буду оплачивать моей жене что угодно. Теперь уже всегда. Но на ее восхищенные глаза мне будет наплевать.

– Слушай, мне хочется расплакаться. Неужели нельзя найти человека, с которым все будет иначе?

– Ты еще очень молода...

– Спасибо, это очень приятно!

Марк был старше меня на десять лет. С Андреем я всегда чувствовала свои года как тяжелое бремя. Марк совершенно искренне считал, что и в самом начале нашего знакомства, и сейчас, в мои тридцать девять, я совсем еще девочка. Наверное, все дело в его искренности, когда он это говорил, я чувствовала себя подростком.

– Рад сделать тебе приятное, но подолью и немного дегтя. Придет день, и ты поймешь, что ввязываться в предприятие под названием «любовь» надо, отдавая отчет, чем все это закончится. В девяти случаях из десяти нет никаких шансов на успех.

– А если все-таки удастся? – мечтательно подняла я глаза к небу.

Впрочем, когда я высказывала эти призрачные надежды, я имела в виду возможное счастье Марка – такого хорошего, умного и умеющего ценить человека, сидящего с ним за одним столиком. А если вернуться ко мне, с Андреем с самого начала все было не совсем безоблачно.

Совсем не безоблачно. Совсем. Когда же это я впервые запихнула голову в песок? Страус из меня не очень. Кажется, я уже лет... м-м-м... пожалуй, пять делаю вид, что у нас с Андреем все в порядке. Почему пять? Может, шесть? Нет, пять. Что же случилось пять лет назад? Ах да, я купила тогда нашу квартиру (слава богу, после кризиса они стоили совсем не так дорого, как сейчас).

Я взяла огромный кредит у «Эф ди ай», потому что боль-

ше просто не могла возвращаться в дом, где царила Анна Сергеевна. Думаю, Анна Сергеевна тогда пыталась медленно свести меня с ума. А я работала почти круглосуточно, стараясь закрепить свои позиции на фирме, – Марк уехал, а меня только-только поставили на его место. Колоссальные нагрузки и частые командировки исключали возможность адекватного ответа на выпады свекрови.

– Мой сын не должен отрываться от науки, чтобы тянуть семью.

– Да он ее и не тянет.

– Знаем мы, чем такие, как ты, занимаются в командировках! Надо было думать, прежде чем соглашаться на эту работу!

Такие разговоры Анна Сергеевна могла вести вечно, но пересечь весь город и настигнуть меня на Юго-Западной она не могла. У нее был ревматизм, слава богу. Поэтому я решилась и купила отдельную квартиру в другом конце Москвы. В большом новом доме из разноцветных панелей.

А после переезда я поняла, что Андрей меня ни во что не ставит. До этого я говорила себе: он не думает так на самом деле, он в глубине души меня уважает и ценит, просто ему очень больно. И обидно. Но он начал говорить:

– Права была мама, ты никудышная жена!

– Это я-то? – Мне стало обидно. Впервые услышав такое, я просто ахнула. – И по-твоему, я мало делаю для нашей семьи?!

– В том-то и дело, что ничего не делаешь. Где мой чистый костюм? В чем я должен завтра принимать зачет?

– Я же оставляла тебе квитанцию, надо было забрать его из химчистки!

– Жена должна все это делать сама!

– Я работала до десяти вечера! Все химчистки уже были закрыты!

В принципе этому было объяснение. Пока мы жили с Анной Сергеевной, вопросов с костюмами у Андрея не возникало. Зато остро стоял вопрос моего психического равновесия. Я больше не могла оставаться в ее доме ни на один день.

Сделала ремонт в новой квартире, в гостиной оборудовала специальное место – маленький кабинет – для Андрея, и все это затем, чтобы однажды услышать: «Ты никудышная жена!»

В общем, Марк был прав, любовь – предприятие заранее убыточное. Мне бы вовремя вынуть голову из песка, да поинтересоваться, любит ли меня мой муж...

«Ты меня любишь?»

«Нет! Я люблю другую женщину, ее зовут Маша, я называю ее Манечка и говорю с ней очень ласково!» – ответил бы он мне. Но теперь я узнала об этом сама. Слушая пленку.

Диверсия удалась, и в моих руках оказалось неоспоримое доказательство измены Андрея. И если бы я имела мужество думать, а не прятаться за усталостью и работой, я поняла бы, что у него есть другая женщина, давным-давно.

После Мишкиных непонятных технических разговоров я услышала следующее:

Андрей: Манечка, ну как вы там?

Манечка: Нормально, а ты как? Дома один? У нас все хорошо.

Андрей: Слушай, я не нашел панадола, может, подойдет аспирин?

Манечка: Нет, ты что. Она же грудная! Куда ей аспирин. Купи тогда эффералган.

Андрей: Ладно, я в другой аптеке посмотрю.

Манечка: Знаешь, я что-то устала. Может, ты сегодня останешься?

Андрей: Ну что ты говоришь, ты же знаешь, что я не смогу. Я только заеду с работы, посижу с полчасика.

Манечка (жалобно): Ладно, не сердись. Ты знаешь, что у женщин, кормящих грудью, часто бывает послеродовая депрессия. А мне так одиноко иногда.

Андрей: Слушай, не надо, а! Не начинай, пожалуйста. Ты же знаешь, какая у меня с женой ситуация.

В этом месте я дернулась всем телом. Интересно, о чем это они? Какая это у него со мной ситуация?

Манечка: Андрюша, я же ничего не прошу! Мне ничего не нужно, только иногда мне хочется, чтобы у Анечки был отец. Ты пойми: она без тебя очень страдает.

Андрей: Маш, ну перестань. Анька еще не в том возрасте, чтобы страдать. Она меня даже не узнает, а ты говоришь...

Манечка: Дети все чувствуют. Ну, хочешь, можешь не приезжать. Я справлюсь, не беспокойся!

Андрей: Ты же знаешь, что я приеду. Не строй только Зою Космодемьянскую из себя. Это тебе совершенно не идет. А потом уеду домой, к жене. Мы сейчас не в том положении, чтобы остаться на улице. Не надо дразнить тигра!

«Неужели это они обо мне?!» – подумала я.

Манечка: Я понимаю, конечно. Тебе нужны условия для работы. Забудь, я не хочу тебе мешать!

Андрей (удовлетворенный): Давай не будем спешить. Ты мне не мешаешь. Пока продержись на тех деньгах, а я схожу к юристу. Мне надо разобраться во всем.

«На каких таких ТЕХ деньгах? Уж не на моих ли, из справочника по сопромату? И при чем тут юрист? Он что, хочет узнать, нет ли статьи за кражу заначек?»

Манечка: Ладно, приезжай быстрее! Я люблю тебя, ты помнишь? Мы обе любим тебя.

Андрей (потеплевшим голосом): Звони мне на мобильник, я выхожу.

Я была почти невменяемой от шока. Это что ж такое? У него есть другая! У него их даже две. Анечке, судя по всему, нет и годика. Они что-то затевают, и это что-то очень плохое. Похоже на заговор. Нападение без объявления войны! Меня хотят обмануть? Господи, о чем это я. Меня же уже как минимум обокрали. Продержись на тех деньгах – это же он о моих пяти штуках! Значит, вот почему я не еду в отпуск

к Марку – деньги нужны любовнице Андрея. Отлично! Великолепно! Прекрасно! И еще к тому же его дочь зовут Анной, уж не в честь ли Анны Сергеевны? Если так, то Андрей это наверняка высоко оценил. Может, даже пустил слезу.

Стоп, остановись.

Я металась по комнате, ноутбук стоял на журнальном столике. Мысли разбегались в разные стороны. Кровь прилила к лицу, и даже, кажется, заболело сердце. Никогда не думала, что Андрей способен на такое. Как мало все-таки мы знаем даже тех, с кем живем рядом. Каждый день, бок о бок. Фактически мы знаем и видим только то, что хотим видеть и знать. Зачем я столько лет пыталась склеить чашку, по которой мой муж ежедневно бил со всего размаху? Мой дорогой муж, на которого я потратила пятнадцать лет жизни! Да что там, двадцать. Ведь я была рядом с ним с первого курса, пока он не дал команду «любовь».

– Господи, как же я его ненавижу! – громко, отчетливо произнесла я.

В квартире было тихо и пусто, так тихо, что у меня зазвенело в ушах. Чтобы хоть на минуту остановить тот поток мыслей, который надвигался на меня, как снежная лавина, я побежала на кухню и распахнула дверцу холодильника.

– Где же этот чертов коньяк. Не мог же он его весь выпить! Не мог! А, вот он!

Я обнаружила в холодильнике остатки подарочного коньяка. Значит, Андрей его все-таки не убил. Что ж, прези-

дент фирмы уже перебилась без него, а мне сейчас без него никак.

– Надо оставаться человеком с достоинством, – бормотала я, дрожащими от ярости руками нарезая лимон и сыр.

Пить французский коньяк без закуски – верх неприличия. Правда, надо сказать, ломоть сыра у меня получился так себе, в форме булыжника. А лимон, напротив, не просто тонкий, а какой-то даже местами рваный.

– Сойдет, – решила я, налила себе остаток коньяка в стакан (получился полный) и выпила его залпом.

Коньяк обжег горло и на минуту приостановил лавину. Я вцепилась зубами в лимон, остужая рот ладонью, размахивая ею наподобие веера. После этого сознание, вместо того чтобы рассеяться, почему-то обострилось. Мысли рухнули на меня, раздавив под собой, едва ли не превратив в лепешку.

Как я могла быть такой душой!

А что, если он и сейчас с ней?

Интересно, сколько ей лет? Она наверняка молоденькая.

Господи, ну я и идиотка! Бестолочь!

Интересно, а с ней он спит?

А я думала, что он уже просто импотент.

Господи, да конечно же, спит!

– Наверное, он в этой Аньке души не чает, все папаши помешаны на дочерях! Даже Марк чисто гипотетически – слово я выговорила с трудом – рассуждал именно о дочери.

Он наверняка изменял мне всегда! А я – наивная – все время мучалась угрызениями совести. Сколько романов я пропустила из-за него!

– Если быть до конца честной, я пропустила не все романы, парочку я все-таки словила. Но это же было так, пустое. Ерунда, простой адюльтерчик на пару недель. Ничего серьезного! А у него дочь!

Но, между прочим, что-то я в его голосе не услышала огромного чувства к этой, как ее... Манечке! Стерва!

Не похожа она на стерву!

Да какая разница?!

Мысли текли рекой. Я перевернула весь холодильник, но не нашла ничего, кроме старой початой бутылки водки для компрессов. Морщась, я принялась пить ее. Чтобы не терять человеческий облик, я разбавляла водку колой, которую обычно покупаю для Мишки. Чипсы и кола – вот его диета. Раньше я с этим боролась, но, когда все так усложнилось с его учебкой, кола с сушеной прессованной картошкой стали самой маленькой из моих проблем.

Потом, кажется, я допивала мужнее пиво, сидя в гостинной на диване и без конца прокручивая диктофонную запись разговора. Мне хотелось проникнуть в подсознание Манечки, я была близка к сумасшествию. Со стороны можно было подумать, что я разговариваю сама с собой, но на самом деле я прокручивала в голове этот эпохальный диалог, влезала в него, отвечала на реплики, вступала в диалог. Я присоеди-

нялась к их разговору и пыталась объяснить им обоим, что говорить и делать такое совсем нехорошо!

После этого я уже мало что запомнила. Тучи сгустились (или это просто наступил вечер, и за окном стемнело), я валялась в гостиной, устав от разговоров с диктофоном и забросив его в шкаф. По телевизору несмешно юморили какие-то нелепые взрослые дядьки из новой плеяды звезд отечественной эстрады. Я растеклась по дивану и дремала, держа пустой бокал в одной руке, а бутылку дешевого белого молдавского вина в другой. Это вино я держала для белых соусов. Кажется, я открыла его еще в прошлом году. Почему-то оно не пригодилось. Тем более что на вкус вино оказалось просто дерьмовым, так что и для соусов не очень-то подходило. Но выкинуть его рука не поднялась. Мало ли, пригодится.

Пригодилось. Адский коктейль в моем желудке потихоньку впитывался и отравлял мою кровь. До моего спутанного сознания с трудом доходили отдельные слова юмористов. Связать слова и получить некий конечный смысл мне было уже не под силу. Финита! Так я не напивалась со времен института. Но там мы делали это от счастья, оттого, что в одной комнате общаги собралось так много приятных друг другу людей, перед которыми открыто будущее.

– А Андрей никогда не ходил в общагу! Брезговал, падла! – с презрением пролепетала я и свалилась в бесспамятстве, опрокинув молдавское вино на диван.

Мне снились обрывки передачи, только в качестве юмористов почему-то были мои преподаватели из института. Они пытались читать со сцены историю КПСС, а я смеялась так, что сотрясались не только мои плечи, но и вся аудитория.

А потом мне снилось, что я сижу на кровати, помятая и старая, и почему-то курю одну сигарету за другой, а напротив меня в большом глубоком кресле сидит Андрей, спокойно и трезво смотрит на меня и сокрушенно качает головой.

– Ты что же, куришь? Ай-яй-яй! – говорит он.

В комнате стоит практически невыносимый дух попойки пополам с курилкой. И мне так стыдно, так ужасно стыдно! Но Андрей делает вид, что это его не раздражает.

– Скажи, неужели ничего нельзя сделать? – спрашиваю я его.

– Ты пойми, это не в моей власти. Я просто не могу!

– Неужели ты меня совсем не любишь? – еле слышно спрашиваю я, хотя отчетливо помню, что клялась не делать этого: не спрашивать, не унижаться.

– Совсем! – огорченно разводит руками Андрей.

Я хочу зарыдать, но слезы почему-то не идут из глаз. Я только прикуриваю следующую сигарету и спрашиваю:

– У тебя нет какого-нибудь снотворного. Может, тазепам?

– Куда тебе еще и снотворного? – с беспокойством интересуется он. – Ты посмотри, в каком ты состоянии!

– Но это же все из-за тебя!

– Ты думаешь? Нет. Из-за тебя! Все из-за тебя! Потому что ты тупица! Бестолочь! – Почему-то Андрей начинает громко и противно орать на меня. Я пытаюсь заткнуть уши, убежать, но он все равно орет, врываясь в мой мозг. В последний момент я вдруг понимаю, что уже не сплю. И что я по-прежнему на диване в гостиной, в комнате действительно пахнет спиртным, потому что я разлила вино. Но главное, что в доме действительно кто-то орет. И этот кто-то – Андрей.

– Я сколько раз тебя предупреждал! Ты идиот! Как ты думаешь жить? Сидеть у матери на шее всю жизнь?

Да, это точно был голос моего мужа. Я оторвала голову от подушки и моментально почувствовала три вещи. Во-первых, у меня дико болит голова. Во-вторых, меня тошнит. В третьих, мне казалось, что крики Андрея раздаются прямо у меня в голове.

– Я не буду сидеть ни на чьей шее. Почему никто не хочет меня понять, – тише, но тоже с надрывом отвечал второй голос – Мишкин.

Я моментально вскочила, простонала от резкой боли в висках и прислушалась.

– Я тебя предупреждал, но ты – безмозглая скотина. Будешь улицы мести, на большее ты не способен!

– Ты ничего не знаешь обо мне, – упирался Миша.

– Или ты думаешь, что без аттестата можно сделать карьеру Билла Гейтса? Ты просто бездарь, который ищет легких

путей. Имей в виду, я тебе помогать не буду.

– Мне от тебя ничего и не надо. Я просто ненавижу эту школу. Они же все там больные люди!

– Ах, больные люди! – взвился Андрей.

Я усмехнулась. Интересный аргумент выбрал Мишка, если учитывать, что вот уже лет десять мой муж не более чем простой преподаватель.

– Да их надо лечить! – упорствовал Мишка.

В целом я не могла с ним поспорить. После перестройки учителям платили меньше, чем пенсионерам-вахтерам. Соответственно преподавательский состав разъехался по России и теперь зарабатывал чем мог. Кто подался в менеджеры, кто устроился в охрану. В школах и институтах остались только те, кто не мог (или не хотел) жить по-человечески. Часто их действительно не мешало бы подлечить. Сейчас ситуация начала меняться, но в Мишкиной школе все еще оставались отдельные экземпляры.

– Это тебя надо лечить. Причем не факт, что поможет. Господи, что я перед тобой распинаясь, делай что хочешь! Вылетай из школы, разваливай свою жизнь! У меня своих дел полно! – высказался мой муженек.

Я подумала, что настало время вмешаться. Доколе он будет орать на моего ребенка!

– Это уж точно! – тихо встряла я в разговор, приоткрыв дверь на кухню. Андрей с удивлением посмотрел на меня и принялся.

– Ты что, пила?

– У меня был повод, – с таинственным видом кивнула я, стараясь не думать о том, как сильно болит голова.

– А, ну-ну! – ухмыльнулся он. – Вот, полюбуйся. Кажется, он все-таки добился своего, остался на второй год.

– А тебе какое дело? У тебя же свои дела, – тихо, но едко напомнила я.

Андрей нахмурился и замолчал.

– Мам, ты успокойся только, не заводишься, – попытался вмешаться Мишка, однако никто в целом мире не смог бы меня в тот момент остановить...

– Зачем тебе заниматься этим ребенком, ведь у тебя теперь есть другой.

– О чем ты? – невольно сделал шаг назад мой муж. Бывший, по-видимому.

– Об Анечке. И о Манечке. Ну и о деньгах моих, естественно! – спокойно пояснила я.

Далее была немая сцена. Ревизор со товарищи.

– Откуда ты знаешь... – растерянно пробормотал муж.

Мишка побледнел и моментально скрылся в своей комнате. На кухне стало слишком жарко. Мы пересекали верхние слои атмосферы, защитный скафандр расплавился и почти сгорел.

– От верблюда! Ну ты и сволочь!

– Ты и сама хороша, – моментально перестроился мой ДОРОГОЙ. Еще бы, если уж что-то и происходит, в этом может

быть виноват кто угодно, только не он.

Глава 4

НЕ ВИНОВАТАЯ Я, ОН САМ... УШЕЛ!

Если хорошенько постараться и вспомнить подробности нашей институтской жизни, можно сказать с уверенностью, что Андрей всегда был со мной рядом. Это было не так заметно, потому что к этому все привыкли, но тем не менее факт оставался фактом. Андрей сидел рядом со мной в аудиториях, решал, после какой пары мы пойдем обедать, приезжал ко мне домой заниматься, потому что «сама ты конспект и не откроешь». Почему я ни разу не спросила себя, зачем он это делал – ума не приложу. Думаю, я привыкла считать его опеку чем-то вроде родительской. Или нет, ангело-хранительской.

– Леночка, деточка, что бы мы делали без Андрея. Как же тебе повезло, что вы подружились! – приговаривала моя мамочка, подкладывая в его тарелку пирожки.

Иногда и в ее глазах сквозил невольный интерес: «Ну когда же?» Она тоже не понимала, зачем он тянул. Теперь я думаю, что Андрей не хотел преждевременно отвлекаться на посторонние эмоции. Он хотел отдать всего себя учебе.

Знаете, это было удивительно, с какой неистовой жадой он поглощал любую информацию. А потом выдавал ее в про-

анализированном, уложенном по полочкам виде. Его курсовыми зачитывались, причем не только наши преподаватели, но и из других, смежных вузов. Я никогда бы не подумала, что Андрей может рухнуть. Кто угодно, только не он. Он казался всесильным, стальным человеком, который справится с любой бедой, с любой проблемой.

Мне всегда казалось, что если Андрея оставить на несколько часов в тихом и спокойном месте, он покинет его с уже написанным на десяти листах планом выхода из кризисного положения. Он окончил институт с красным дипломом. Нам даже выдавали наши корочки по-разному. Мне с легким недоумением выдали корочку, заполненную тройками. Прав был Андрей, когда еще на вступительном экзамене удивлялся моему выбору. Бауманка – тяжелейший вуз.

– Молодец! – скользнул по мне взглядом и рассеянно улыбнулся заместитель проректора, вручая заветный кусок картона. Кажется, это было самое начало девяностых, распределения уже не было, и на мою дальнейшую карьеру инженера деканат смотрел с полнейшим равнодушием.

– Спасибо! – улыбнулась я. Мир, в котором не надо сдавать зачетов, казался безоблачным островом наслаждений. Как я заблуждалась!

Между тем очередь получать диплом дошла и до Андрея.

– Дорогой Андрей Евгеньевич, сердечно поздравляю вас с окончанием вуза.

– Благодарю, – сухо кивнул Андрей.

Зампроректора давно склонял Андрея пойти в аспирантуру именно на его, зампроректорскую кафедру вычислительной техники. Но поскольку к Андрею выстроилась целая очередь научных руководителей, он выбрал того, с кем можно было воплотить мечту. Космос! Это слово будоражило воображение Андрея.

– Знаете, за вычислителями будущее. Помните это, юноша, когда будете выбирать свою дорогу! – Зампроректора все не отходил от него. По рядам выпускников пошел недовольный шепоток.

– Я стану работать там, где это будет нужно Родине, – красиво «послал» зама Андрей. Космические темы, хоть и были засекреченными вдоль и поперек, давали шанс защитить кандидатскую за два года.

– Ты потрясающий! – тихонько шепнула я на ухо Андрею, когда церемония вручения дипломов кончилась.

Мы уже вовсю встречались и при любой возможности занимались любовью, к вящей радости моей мамочки. Она с самого начала знала, что лучшего мужа для меня не найти. Эх, она и представить не могла, чем этот прекрасный муж кончит! Воровать деньги, жить на средства жены. И видимо, на них же содержать любовницу с внебрачной дочерью. Да еще при этом смешивать с дерьмом собственного сына. Законного, любимого, выстраданного, выращенного в нескольких кризисах сына, который вылетает из школы, потому что с ним некому заниматься.

Воспоминания горьки, но реальность еще «краше». Мы скандалили уже в коридоре.

– Значит, ты считаешь, что это я виновата? – не выдержала я и перешла на визг. – И в чем? Может, твоя Манечка залетела от меня?

– Знаешь, я не хочу с тобой говорить, пока ты в невменяемом состоянии, – попытался выкрутиться Андрей.

– Нет, тебе придется поговорить. Я требую объяснений. И мне кажется, что я имею на это право! – Я сглотнула слюну. Зря я мешала коньяк с пивом. А уж это жуткое молдавское вино было точно лишним, меня действительно скоро стошнит. Обезболивая душу, я явно навредила телу.

– Так, мне некогда. Если хочешь устраивать безобразные сцены, не буду мешать, – засуетился Андрей, явно пытаюсь покинуть наш тонущий корабль.

Мне вдруг страстно захотелось заехать ему по лицу. Прямо по этому наглому самоуверенному лицу, на которое я не могла без боли даже смотреть.

– Какие у тебя дела? Деньги мои красть? Конечно, тебе же надо вторую семью поднимать. Там же нормальный ребенок, а не идиот, верно?

– Не надо строить из себя мать Терезу! Можно подумать, ты много занималась сыном, – не выдержал и заорал Андрей.

Я внутренне подобралась. Ответь так, чтобы он умер от собственной ничтожности!

– Я бы больше уделяла времени ребенку, если бы ты изво-

лил хоть что-то зарабатывать. А пока ты умывался слезами о собственной ущербности, я пахала как лошадь, чтобы ты мог ездить на «Ниссане» в свой долбаный институт. Хотя бы с сыном позаниматься ты мог?

– Все! Достаточно! Я уезжаю, живи как хочешь.

– А я ненавижу тебя! – заорала я. – Ты сломал мне жизнь. Из-за тебя я с утра до ночи кручусь как белка в колесе.

– И что такого? Все крутятся!

– Меня тут недавно спросили, как я провела лето. А я не знала что сказать! Никак. Я никак не провела лето, оно у меня ничем не отличается от весны. Или зимы.

– Ай, бедняжка, вся в работе. А зачем тебе это было надо? Ты хоть раз спросила, что я об этом думаю? – Андрей метался по квартире, кидая в сумку какие-то вещи. Если бы я напугалась, то, скорее всего, вспомнила бы, где и когда я их покупала. Одежду Андрею я привозила в основном из Европы.

– Я знаю, как ты пристраивал мои деньги. Или ты хочешь сказать, что они тебе были не нужны? Ах да, тебя интересовало лишь их количество! Из-за этого ты шарился в моих вещах?

– Что? – Андрей замер на месте.

Значит, все-таки стыдно. Неужели и у него есть хоть остаток совести? Осадочек, как в химической реакции. Все выгорело, а на дно колбы осел белесый налет совести.

– Зачем тебе столько денег?

– Знаешь что, хватит. Больше нам говорить не о чем.

– А мне кажется, мы только начали, – усмехнулась я.

– Думаешь, тебе все можно? Все? – закричал Андрей.

Он схватил меня за плечи и начал трясти, как соломенную куклу. Это показалось мне таким смешным, что я хохотала все громче и громче, пока вдруг не случилось что-то, обжегшее меня огнем. Андрей, оказывается, дал мне пощечину.

– Что ты делаешь? – совершенно по-детски удивилась я. За все годы, что я его знала, это был первый случай. Значит, я его действительно довела. Неужели это возможно?

– Думаешь, мне были нужны твои деньги? Да я их ненавижу! Ненавижу! Мне никогда не нужны были деньги, и вообще, это все – не моя жизнь. Все должно было быть иначе, иначе, – пробормотал Андрей, осев на пуфик и закрыв лицо руками. Кажется, происшедшее его тоже поразило.

– Ты никогда меня не любил! – зачем-то сказала я.

Андрей оторвал руки от лица, внимательно посмотрел на меня, а потом встал и взял в руки сумку. Из нее торчал скомканный бежевый свитер из тонкой шерсти. Я привезла его из Берлина, он удивительно шел Андрею. И куда он его уносит?

– Думаешь, это самая главная новость? – неожиданно сказал Андрей и добавил: – Ты тоже, дорогая. Ты тоже.

– Ты врешь! – Я села на корточки возле гардероба в прихожей и заплакала. – Я всегда тебя любила. Пока могла, всегда. А теперь ненавижу.

– Значит, тебе будет гораздо лучше без меня, – закончил Андрей мысль и закрыл за собой дверь.

Я растирала слезы по щекам. Я совсем не была уверена в том, что мне будет лучше без него. Возможно, это правда. Во всяком случае, я больше люблю засыпать одна, чем вместе с Андреем. Но когда я думала о том, что сейчас он сядет в «Ниссан» и поедет к этой Манечке и их дочке, мне хотелось выть и лезть на стену. Что это могло означать? Получалось, что я ревную? Но можно ли ревновать того, кого ненавидишь?

В моей голове вопросов стало гораздо больше, чем ответов. Голова раскалывалась. Я села на диван в гостиной, укуталась в плед и принялась нажимать кнопки радиотелефона. Уже без «жучка». С Францией меня соединили только с пятого раза, когда я уже хотела швырнуть телефон об стену.

– Марк, от меня ушел муж, – сказала я, позорно хлюпая носом.

Марк был мне необходим. Кажется, он единственный, кто по-настоящему знал меня. Настолько, насколько вообще один человек может знать другого. Мы ведь закодированы так, что крек подобрать невозможно.

– Ушел? Сам? – удивленно переспросил Марк спокойным голосом. Его спокойствие всегда меня поражало.

– Ага! – кивнула я. – Практически.

– И давно? Судя по твоему голосу, только что. И как это было? Он подошел к тебе и сказал, что уходит? Вот так, ни с того ни с сего?

– Ну, не совсем, – прикусила я губу.

– Значит, ты его выгнала? Я думаю, что это вернее. Вряд ли бы он ушел от тебя по доброй воле, – пояснил Марк.

– Еще бы! Живет на всем готовом, как сыр в шоколаде.

– В масле.

– Что? – не поняла я.

– Говорят, как сыр в масле катается.

– А, какая разница! В общем, сволочь первостатейная. Только я его не выгоняла, он сам сбежал.

– Понятно, – усмехнулся Марк. Его легкий ласковый смех моментально снял мое напряжение.

– Ничего и непонятно. Тоже мне, крыс с тонущего корабля. – Я и сама уже готова была усмехнуться. Действительно, забавно, что два взрослых человека могут дойти до того, чтобы орать друг на друга в коридоре.

– Но что все-таки случилось? – спросил Марк.

Я попыталась собраться с мыслями. Ведь о том, что случилось, в двух словах не расскажешь. Марк относится ко мне как к хорошему старому другу, честному человеку. Как рассказать о том, что я прятала от мужа деньги, а потом установила «жучок» в домашнем телефоне. Нет, тут явно придется изобразить другую историю.

Значит так, жила-была несчастная любящая жена, и вот однажды надо было ей срочно позвонить по рабочим вопросам. Подняла она трубку, чтобы набрать номер, а пока номер в записной книжке искала, вдруг обнаружила, что невольно подслушивает чей-то разговор по параллельному аппарату...

Даже не знаю, поверил мне Марк или нет, потому что в пылу разговора я пару раз сбивалась, врала и путалась в показаниях. Главное – он слушал меня и пытался понять. Ему было небезразлично, что я чувствую. И при этом он знал, что я тоже далеко не ангел.

– Значит, теперь ты можешь спокойно приходить домой и никто не будет курить на кухне. Скажи, тебя это радует или огорчает? – спросил Марк, когда поток моих рыданий и исповедальных речей начал иссякать.

– Даже не знаю. Все-таки это так странно. Кажется, я не понимаю пока, хорошо это или плохо, – удивилась я. – Ведь нас с ним давно ничто не связывает.

– Если бы вас ничто не связывало, ты бы вышвырнула его давным-давно, – заверил меня Марк.

– Да что ты? Я же всегда к нему относилась как к...

– Ну?

– Слушай, я тебя ни от чего не отрываю? – попыталась увернуться я от ответа.

– Ни в коем случае! А поскольку звонишь ты и счет тоже придет тебе, ты меня еще и не разоряешь, – цинично добавил Марк.

Я улыбнулась. Марк никогда не был жадным, но почему-то всегда стремился произвести именно такое впечатление.

– Я любила его, – произнесла я.

– Сама-то ты себе веришь?

– Верю, – кивнула я. – А что еще кроме любви могло нас так крепко держать вместе?

– Чувство долга, чувство вины. Страх одиночества. Выбирай сама.

Я представила, как Марк, говоря это, делает неопределенный жест рукой.

– Не-ет, любила. Просто все пошло совсем не так, как должно было.

– Ты считаешь? Знаешь, жизнь не имеет сослагательного наклонения. Если пошло так, а не иначе, значит, по-другому пойти не могло. Вот в чем проблема.

– Нет, Марк. Проблема в том, что я теперь совершенно не знаю, что мне делать. Все-таки я действительно привыкла жить с ним. И как мне теперь быть одной, не знаю. И с Мишкой. Как мне быть с ним? Ведь я даже не успеваю сама поесть, обедаю раз в три дня. А теперь что? Он будет предоставлен сам себе? Мы же не будем успевать и парой слов перемолвиться!

– Елена, прекрати паниковать! – скомандовал Марк. – Ты справишься с этим так же, как справлялась со всем остальным. Ты – такая. Ты не из тех, кто оплакивает судьбу. Ты встанешь и пойдешь дальше, потому что ты такой человек. И не станешь опускаться до жалости к себе!

– Ты правда так думаешь? – восхитилась я.

Марк всегда умел говорить так, что я начинала думать о себе в десять раз лучше, чем за минуту до этого. Действи-

тельно, если не брать в расчет то, что я сегодня позорно напилась, я получалась конфеткой.

Марк еще какое-то время убеждал меня, что все, что ни делается, – к лучшему, а потом так откровенно зевнул в трубку, что я моментально свернула нашу беседу. Надо ведь и меру знать. В конце концов, кто мне Марк, чтобы ночи напролет выслушивать мои стенания? Бывший начальник, с которым мы дружим – по Интернету в основном. Спокойной ночи, Марк.

На следующий день у меня было запланировано много дел. Работа всегда спасала меня от всевозможных дум. Когда-то я пошла работать, чтобы Андрей мог спокойно заниматься наукой. Его мозги – восьмое чудо света, я это прекрасно понимала, причем с первого курса. И если уж мне повезло оказаться рядом с таким человеком, то надо было сделать все возможное для его будущего. Тем более что тогда, в начале девяностых, его будущее было отчетливым, практически уже наступившим. Мое тоже более-менее прояснилось. Андрей корпел над кандидатской, проводя практически все время на рабочем месте – в конструкторском бюро.

А я забеременела. Трудно сказать, можно ли назвать беременность в двадцать четыре года преждевременной. Многие бы, наверное, решили, что я уже малость опоздала с первыми родами. В России всегда считалось, что чем раньше, тем лучше. Это пошло с послевоенных лет, когда рождение детей было краеугольным камнем выживания огромной стра-

ны. Потом вопрос утратил остроту.

Анна Сергеевна высказалась насчет моей беременности категорично:

– Куда вам сейчас детей? Когда ты в роддом поедешь, у него будет защита. Ну и чего он защитит, если надо будет под окнами роддома торчать и яблоки тебе возить? Делай аборт!

– Не вздумай! – отрезал Андрей.

Я и так не собиралась. Какой аборт, когда я только и видела в мечтах пройтись в белом платье по ЗАГСу под руку с будущим ученым Демидовым. Но мне было приятно, что Андрей хочет ребенка. Согласитесь, каждой женщине хочется подарить ребенка любимому мужчине.

– Имей в виду, тебе придется довольствоваться малым! Андрей должен думать о будущем, а не о том, как содержать семью! – резюмировала свекровь.

Это она сказала на нашей свадьбе. Вместо «горько». Анна Сергеевна так обожала Андрюшу, что ей даже внуки не были нужны. Хотя в это и верится с трудом.

Кстати, это был еще один гвоздь, забитый в крышку наших отношений со свекровью: я обожала Мишку – она требовала, чтобы он не орал.

У них была двухкомнатная квартира с большой лоджией на два окна, на ней мы оборудовали маленький, но удобный кабинет. Компьютерный стол, стеллаж с книгами, тумба для материалов и бумаг – все, что нужно. Лишь бы Андрей спокойно работал, пока я быюсь с младенцем. Нет, Ан-

дрей Мишку ужасно любил. У него действительно не оставалось времени. Вопрос же обеспечения семьи пришлось решать мне. Однажды, поговорив с подружкой из института, я пришла на семейный совет и сказала:

– Моим знакомым нужен инженер для запуска и наладки компьютеров и прочего оборудования. Работа сдельная, но можно хорошо заработать.

– И что? – заняла глухую оборону свекровь. – Я же говорила, чтоб ты не смела требовать от Андрея денег.

– Я и не требую, – разозлилась я. – Я бы сама пошла. Надо же что-то делать, а то мне не на что даже курицу купить.

– Мясо вредно! – отрезала Анна Сергеевна.

Андрей оторвал взгляд от телевизора (он уже тогда умудрялся смотреть его часами, параллельно с работой или едой).

– Мам, а чем плоха идея? Пусть Ленка подработает. Задно проветрится. А то небось засиделась дома.

– Да? А кто будет с Мишей сидеть? – удивилась Анна Сергеевна.

Я внутренне подобралась. Откровенно, я только и делала, что Бога молила об этой работе. Детские радости двадцать четыре часа в сутки – это было не мое.

– Мам, ну как же? Ты, конечно, кто ж еще?

– Я? – Анна Сергеевна чуть не задохнулась от возмущения.

– Я смогу заработать Андрею на новый принтер! И вообще, ему тоже нужны средства, чтобы спокойно работать. Он

же не виноват, что сейчас так мало платят ученым.

Свекровь растерянно переводила взгляд с меня на Андрея, но тот только кивал, не отрываясь от «Новостей».

– Ты считаешь, что так будет лучше? – жалобно спросила Анна Сергеевна.

– Конечно! Для чего еще нужны бабушки? Чтобы внуков нянчить! – подытожил Андрей, допивая компот.

Таким образом, вопрос был решен. Анна Сергеевна могла сделать все, что угодно, со мной, с Мишкой, с целым светом, но отказать Андрюше – было выше ее сил.

Ради сохранения свободы я действительно практически все доходы тратила на Андрея. Принтер – для Андрея. Упаковка бумаги – для Андреевой кандидатской. Заказать учебники за границей, заказать перевод, чтобы он не тратил времени. Оплатить услуги машинистки. Одарить всех научных оппонентов шикарным коньяком. Я была готова на все. Конечно, кандидатскую он защитил блестяще.

Я ходила по опустевшему дому, вслушивалась в тишину, окружавшую меня со всех сторон. Теперь в полумраке моей красивой спальни я могла признаться себе: да, я пошла работать не ради Андрея. Я пошла работать исключительно ради себя. Столь самоотверженный подвиг во имя семьи мне был нужен больше, чем семье. Если бы я не справлялась с трудностями быта, разбивая в кровь плавники, свекровь (да и Андрей, чего уж там) простили бы и приняли меня. Трудности на благо Андрея – что может быть лучше, благород-

нее и нужнее! Но я как-то сразу и надолго полюбила и свою работу, и бешеный ритм этого нового, совершенно изменившегося мира.

Какое-то время я еще делала вид, что работаю, чтобы сделать легче жизнь Андрея. А потом, после всего что случилось, я стала просто работать – так, как я люблю. На износ, по полной программе. Так, как я работаю. Возможно, это было не совсем то, чего Анна Сергеевна ждала от меня. Возможно, это было не совсем то, о чем мечтал Андрей. Что ж, как правильно сказал Марк, жизнь не имеет сослагательного наклонения. Андрею, возможно, не все нравилось в моей работе. Но деньги-то он тратил с огромным удовольствием.

И между прочим, хоть я и не люблю об этом вспоминать, но ведь был у нас на тему моей работы «узкий момент». Два года назад мой муж решил вдруг расставить все точки над «i». И стал требовать от меня невозможного – покинуть страну. Но кто, спрашивается, мешал ему довести свои идеи до конца? Однако вместо этого он милостиво позволил мне подписать контракт на покупку «Ниссана». А сам просто пошел и нашел себе, как я теперь понимаю, эту Манечку. И что? Кто в этом виноват?

Глава 5

НАДЕЖНЫЙ СПОСОБ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ БЕССОННИЦЫ

Майские праздники удались на славу, включая массовый исход москвичей в пригородные халупы для изготовления горелого мяса, купленного в отделе готовых шашлыков. Никогда не понимала и не любила отдыха на природе. Вернее, не совсем так. Сам по себе отдых на природе меня притягивает, как и всех остальных – измученных авитаминозом, давками, выхлопными газами москвичей. Просто программа, которая предлагается в мае тем, у кого нет собственно-го вертолета и деревянного финского домика с удобствами в ста километрах от Москвы, мне не нравится совсем. У меня нет ни первого, ни второго. Но на подобных мероприятиях я уже неоднократно бывала.

Все идет примерно одинаково. Сначала мы три часа проводим в дороге, причем из этих трех часов два – на МКАДе, в очереди к забитым выездам за город. Потом, находясь уже на грани нервного срыва, мы все-таки выбираемся на шоссе, попутно выясняя, что именно на нашем лепестке выезда за город «восьмерка» стукнула в зад «Тойоту» и теперь они ждут ГИБДД, перегородив весь выезд. Водители поцеловавшихся машинок спокойно курят, обсуждая прекрасную по-

году и достоинства окружающего ландшафта. На их лицах полнейшее равнодушие. Водителям все равно, что говорят в их адрес все проезжающие мимо автовладельцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.